

Л.П. Л а ш у к

ПОНЯТИЕ УЗЛА ЭТНОГОНИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ОСВЕЩЕНИИ

Трудно сказать, кто из специалистов по проблеме этногенеза различных народов впервые ввел в научный обиход понятие «узел этногонического процесса», которое по самой своей сущности претендует на роль особого исторического термина (определения), а не только образного выражения. Вместе с тем в качестве дефиниции это понятие по воле исследователей приобрело далеко не адекватное содержание: у одних авторов это нечто вроде пространственно и хронологически ограниченной, стремящейся к структурному «уплотнению» сферы длительного взаимодействия разнородных этнических компонентов, в конечном итоге сливающихся в единый народ; у других – это еще более сложный, уходящий в архаические времена процесс становления этнолингвистических общностей в масштабе целых языковых семей или их крупных генетических подразделений – «ветвей»; у третьих – это самый широкий (в пределах мыслимого) диапазон этнических связей, исторический механизм которых в действии приводит к многосторонним скрещениям этнолингвистических единиц в пределах целых континентов.

Как известно, на последнем аспекте процесса этногонии особенно настаивал Н.Я. Марр, писавший, что «происхождение новых исторических видов (тех или иных этнических общностей. – Л.Л.) протекало путем отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшей на экономической базе концентрации этнических масс, скрещенных многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе и не дошедших в совершенно чистом виде»¹. В частности, по Н.Я. Марру, существовал древнейший «яфетический» слой населения Афреватии, и задача этногенистов состоит в том, чтобы «доискаться, в какую эпоху и как выделились из начальной средиземноморской семьи пространственно разлученные с нею, но по природной для них речи и поныне в той или иной степени генетически родственные с ней же не только хамиты и семиты, но и дравидические племена. Молчим пока о проблеме туземного населения Америки»². С этими установками в чем-то перекликались взгляды С.П. Толстова, который в свое время выделял три «великих мировых очага этногонического процесса» – индо-тихоокеанский, средиземноморский и среднеазиатский (аральский), относя их возникновение к глубокой древности³.

Короче говоря, узел этногонического процесса в этнографии понимается как в относительно узком, так и в весьма расширительном смысле, но во всех случаях, кроме не оправдавшей себя «яфетической» теории, исследователи по-своему правы, так как имеют дело с проблемой происхождения этнолингвистических общностей различной исторической широты и глубины. И все-таки есть необходимость придать этому понятию логически более определенную характеристику, исходя из исторически возможных наиболее общих проявлений этногонического процесса. Видимо, под этногоническим узлом следует подразумевать исторически обусловленный, длительно действующий на определенной территории процесс взаимного притяжения и смешения некоторого числа этнических единиц (что не исключает частной дифференциации исходных и вновь образованных промежуточных общностей), следствием которого является возникновение достаточно широкой этнолингвистической группировки, обладающей в качестве существеннейшего признака устойчивой и единой в основных структурных звеньях языковой системой. Но такая общность не обязательно сопровождается однодиалектным составом населения, его антропологической и хозяйственно-культурной однородностью, общим этническим самосознанием и совместными гражданскими интересами⁴.

В указанном свете выражение «узел» рисуется более удачным, чем «очаг» этногонического процесса, ибо «очаг» в смысловом значении, скорее, очерчивает пространственно область данного процесса, тогда как «узел», коли он «завязывается», семантически ассоциируется с явлением динамическим, приводящим к теснейшему переплетению наличных компонентов (хотя, конечно, этногенез – это отнюдь не механический процесс стягивания).

Среди различных источников, привлекаемых исследователями к решению проблем этногонии, видное место занимает язык в его широком сравнительно-историческом диапазоне. Но это вовсе не означает, что история конкретного языка (или группы генетически близких языков и диалектов) равнозначна этнической истории традиционно пользующихся этой речью людей. Язык как специфическое общественное явление возникает исторически, причем уровень его развития обуславливается уровнем развития общей культуры говорящих на нем людей, их потребностями во взаимном общении, в наиболее адекватном выражении своих мыслей⁵. Однако такую свою коммуникативную роль конкретный язык в его историческом развитии выполняет не в одних и тех же пространственно очерченных этнических рамках. Последние в ходе истории могут сужаться и расширяться (не говоря уже о гибели тех или иных языков вместе с гибелью или ассимиляцией их носителей); причем в случае расширения сферы действия данного языка его система может стать благоприобретенной для людских масс совершенно различного происхождения, но втянутых на каком-то этапе в трансформирующий бывшие языковые различия этнолингвистический процесс.

Как сложившаяся система язык этнолингвистической общности подвержен, конечно, изменениям, которые выражают «потребности» совершенствования самой его системы и влияния, оказывающие воздействие со стороны; но трансформирующие язык фонетические и фонологические процессы идут обычно постепенно, преодолевая толщу устоявшегося морфемного и лексического материала. Большое значение имеют внешние лингвистические факторы (влияние других языков на данный). Вследствие языковых контактов тот или иной язык в зависимости от условий может претерпеть изменения на всех уровнях – в лексике, грамматике, фонетике – от минимума изменений до полной ассимиляции одного языка другим; могут появляться третьи языки – «смешанные», отличающиеся от двух скрещивающихся и могущие содержать те или иные особенности этих языков в разной пропорции; в результате скрещивания языков могут появляться и совершенно новые особенности, в том числе структурные, отсутствующие у скрещивающихся языков⁶. Но как бы ни варьировали возможные типы межъязыковых контактов, реальным условием взаимовлияния служит не просто соседство языков, а длительное общение и двуязычие если не большей, то во всяком случае значительной части населения данного района.

Пожалуй, ни в чем так ярко, как в языке, не отражаются этнические контакты и смешения различных групп (племенных и территориальных, родственных и неродственных), особенно если контактирующая масса людей примерно однородна в антропологическом и хозяйственно-культурном отношении. Именно на этой почве завязываются узлы этногонического процесса, и задача исследователей состоит в том, чтобы по возможности точнее определить: 1) основные взаимодействующие этнические компоненты; 2) хронологические и пространственные рамки этого взаимодействия; 3) его конкретно-историческую обусловленность и этнические последствия.

Язык в своем историческом развитии имеет важное свойство – членение на территориальные диалекты, которые всегда соответствуют границам непосредственного общения между людьми (по терминологии немецких лингвистов, *Verkehrsgrenzen*). Видный французский ученый Ж. Вандриес писал: «На протяжении известной территории язык, первоначально однородный, распадается на несколько диалектных групп, из которых каждая имеет свои особенности, захватывающие большее или меньшее число соседних групп. Эти группы называются родственными и остаются ими, каким бы изменениям ни подвергалась каждая из них»⁷. В эту характеристику новейшая лингвистика вносит существенное уточнение: диалект лишь отчасти может рас-

смагиваться как непосредственное ответвление от общего языкового наследия; определяющие диалект признаки в значительной мере утверждаются в его составе под воздействием соседних диалектов в силу взаимного притяжения их носителей. Центры зарождения и направления распространения диалектных новообразований определяются условиями языкового общения и его границами, т.е. факторами социально-исторического порядка: экономическими, социальными, культурными и т.д.⁸

В историческом плане вне указанных условий и границ нет и быть не может языкового единства, а значит, не будет ни относительно узкой (племенной или территориальной – «земляческой») этнической общности, ни более широкой этнолингвистической группировки, состоящей из самостоятельных, но охваченных действием сходных языковых процессов этнических единиц. Это особенно характерно для древних этнических массивов, не испытывавших нивелирующего воздействия закрепленного в письменности языка (установившейся литературной нормы) и не имевших, в случае их давнего и дальнего расхождения, каких-либо налаженных коммуникаций⁹.

Языку присуще и то свойство, что его основные особенности в пространственном продвижении останавливаются у границ области общения определенных групп людей, составляющих «традиционную» или еще формирующуюся этническую общность. За эти пределы выходят только некоторые элементы данного языка, заимствуемые иноязычными соседями¹⁰. Иной характер носят культурные контакты, которые позволяют не только отдельным вещам, но и целым комплексам материальных ценностей легко перешагивать этнические границы и нивелировать хозяйственно-культурный уклад населения на широкой территории независимо от языковых и диалектных различий. При этом совершенно не обязательно, чтобы культурная нивелировка сопровождалась такими важными последствиями, как затрагивающее важнейшие системные уровни скрещение соседящих языков или еще более сложное слияние одного языка с другим.

Отсюда со всей очевидностью вытекает то, насколько опрометчиво подчас поступают исследователи-этногенисты, которые, опираясь преимущественно на ископаемый материал, за каждым мало-мальски примечательным фактом диффузии археологических культур в каком-либо районе склонны усматривать этнические миграции, смещения, скрещения, языковые смены одного населения другим. Этой «болезнью» страдают многие уважаемые археологи, которые очень хорошо умеют проследить генезис древних культурных комплексов (отражающих, впрочем, чисто внешние черты сходства или различия в орудиях труда, украшениях, керамике, типах поселения, погребения и т.д., а не весь этнографический уклад давно усопших носителей этих культур), но почему-то игнорируют тот факт, что между археологической культурой и самостоятельным лингвистическим типом (языком, междиалектной зоной, отдельным диалектом) невозможно установить прямого и обязательного соответствия (совпадения). Тем более невозможно с помощью одной археологии сказать, какой конкретный (по языку) этнос древности соответствовал обнаруженной в данной местности археологической культуре¹¹.

Конечно, здесь допустимы более или менее правдоподобные гипотезы, но и они требуют тщательно проведенных работ на всем доступном материале по этногонии исторически известных этнолингвистических общностей с обязательной привязкой их к определенной территории и конкретно-историческим процессам, могущим бросить свет на действительные узлы этногонического процесса. Было бы утопией надеяться на то, что мы когда-либо сможем докопаться до непосредственных языковых и культурных истоков многочисленных мелких племен, названных древними авторами только по имени, но по мере успехов смежных наук о древности перед нами открывается возможность поставить в широком плане проблему этногонии крупных массивов населения, с отдаленных времен группировавшихся в качестве этнолингвистических общностей.

В этой связи все сказанное выше можно рассматривать как необходимое вступление к только что намеченной центральной идее данной статьи. Попробуем задать

себе такие вопросы: что положительного дает современная наука в плане раскрытия завязавшихся в древности узлов этногонического процесса, каков исторический механизм их зарождения и функционирования, почему, в частности, одни языки сравнительно легко распределяются по большим генетическим группам (семьям и ветвям), а другие лишь с трудом поддаются классификации по принципу генеалогического родства или структурной близости? Что и говорить – поставленная задача не из легких, но мы мало чего достигнем в освещении важнейших аспектов мировой этногонии, если не попытаемся как-то осмыслить предложенные вопросы.

Наука давно бьется над проблемой основного содержания древнего глоттогонического процесса: каким образом возникли ныне здравствующие языковые семьи с их сложными подразделениями – путем ли дифференциации первоначального языкового единства («праязыка», «языка-основы»), или же в этом главную роль сыграла интеграция изначально дробных, но структурно близких друг другу племенных языков-диалектов, или же, наконец, имело место то и другое, причем в указанный процесс были втянуты и неродственные лингвистические группы? Классическое языковедение прошлого столетия выступало с теорией «родословного древа» (Stammbaumtheorie), по которой предки индоевропейцев, пережив «доисторический» период совместного существования как неделимая этнолингвистическая общность, в «исторический» период начали дробиться на составные части. По А. Шлейхеру, «славяно-германцы первыми начали свои переселения на запад, за ними последовали греко-итало-кельты. Из оставшихся арийцев индийцы направились на юго-восток, а иранцы распространились в юго-западном направлении. В соответствии с этим родину индоевропейцев следует искать на Центрально-Азиатском плоскогорье»¹². По этой теории, соответственно дробились и расходились языки.

Созданная Шлейхером схема «родословного древа» индоевропейских языков уже давно подверглась сокрушительной критике. Но, как справедливо отмечают современные авторы, это отнюдь не снимает вопрос о реконструкции древнего общиндоевропейского языкового состояния, так как очевидное единство фонетического и грамматического строя индоевропейских языков обнаруживает себя даже через ряд тысячелетий после утраты тесного контакта между предками носителей отдельных ветвей. Древние индоевропейские языки, из которых многие остаются нам не известными, принадлежали к одной доминирующей языковой системе, и ее связующие моменты сохранялись и при дроблении языков, и при интеграции, и при параллельном развитии¹³.

Поэтому приверженцы сравнительно-исторического языковедения и сейчас уверены, что реконструкция общиндоевропейского состояния возможна, только она переносится в иную, чем у Шлейхера и «младодиаграмматиков», плоскость. Во-первых, как отмечалось на X Международном конгрессе лингвистов 1967 г., «развивающаяся, динамическая история праязыковой системы призвана объяснить те тенденции, те закономерности, которые обусловили специфику языков данной языковой семьи в их отличии от других родственных и неродственных языков. Развивающаяся праязыковая система должна служить удобным аппаратом для выяснения генезиса тех процессов и системных явлений, которые фиксируются в истории языков данной семьи»¹⁴. Однако, во-вторых, конкретное понятие единого праязыка без диалектного членения поставлено под серьезное сомнение, да и последующая судьба оформившихся ветвей индоевропейских языков рисуется сейчас в свете более сложных взаимоотношений между ними.

Последнее положение нуждается в некотором пояснении. В результате новейших исследований все большее число лингвистических фактов, включавшихся ранее в систему «индоевропейского языка», интерпретируется как продукт позднейшего развития отдельных групп, а вновь реконструируемая «исходная» общиндоевропейская система становится все более непохожей на системы самых древних письменных индоевропейских языков, хотя и прослеживается в них сквозь позднейшие преобразования¹⁵. Эти языки II тыс. до н.э. – прагерческой и анатолийской групп – оказались

не такими уж древними, т.е. стоящими чуть ли не у истоков индоевропейской системы, и не столь уж близкими друг другу, как этого следовало бы ожидать, исходя из установок теории «генеалогического древа». Ко всему прочему, по данным дешифровки крито-микенских писем, прагреческий язык и во II тыс. до н.э. был разделен на диалекты, значительно различавшиеся между собой¹⁶. Иными словами, чем дальше в глубь веков, тем большими оказываются диалектные различия не только во всей индоевропейской системе, но и в отдельных ее лингвистических типах.

Отсюда и возникло предположение о большом разнообразии диалектов, находившихся друг с другом в контакте в общеиндоевропейский период. Наиболее активный противник «праязыковой» теории В. Пизани настаивает на том, что древние «индоевропейцы – это совокупность племен, говоривших на диалектах, входивших в единую систему изоглосс» (т.е. в условном плане многократно перекрещивающихся явлений фонетического, грамматического и лексического характера)¹⁷, хотя проявляя непоследовательность, Пизани допускает, что наряду с многообразными диалектами обыденной жизни существовал еще некий «наддиалектный» сакральный язык, поддерживавшийся на всем ареале индоевропейской речи особой кастой жрецов (?!). Более четкую формулировку дал К.Х. Уленбек: «Исконное родство больших языковых семей – таких, как индоевропейская и урало-алтайская... есть не что иное, как совместное владение очень большим числом исконно-древних (т.е. коренящихся в исконно-древнем тесном контакте) изоглосс»¹⁸. Такому взгляду не чужды и советские лингвисты: например, в своих последних работах Б.В. Горнунг исходит из предположки, что индоевропейская языковая общность «на всем протяжении своего развития, от момента ее образования до обособления всех отдельных языковых групп (происходившего разновременного) развивалась лишь как совокупность взаимодействующих диалектов, объединяемая достаточно плотным пучком постоянно возникающих «глобальных» изоглосс, но постоянно же расчленяемая "парциальными" изоглоссами и лишенная какой-либо "наддиалектной" формы языка»¹⁹.

Как бы ни была заманчива эта гипотеза, она наталкивается на целый ряд трудностей в ее прочном обосновании. Языковые факты, отраженные в позднейших ветвях, не дают той картины диалектного разнообразия, которое можно было бы спроецировать в начальный период индоевропейской языковой общности. Здесь попросту не хватает материала. Но и в чисто теоретическом плане еще надо доказать, каким образом постоянно возникали пучки «глобальных» и «парциальных» изоглосс, пересекавших в различных направлениях индоевропейскую этнолингвистическую общность. Ведь не по воздуху же они переносились сами по себе, а должны были возникать и действовать в конкретной этнической среде с достаточно развитым междиалектным общением многих племенных единиц. И если такое общение действительно имело место, то оно было обусловлено не какими-то особыми психологическими «симпатиями» ближних и дальних племен друг к другу, а вполне определенными социально-историческими связями.

Не покушаясь на право лингвистов решить эти вопросы средствами их дисциплины, посмотрим на столь важную для всех проблему глазами этнографа, которого интересуют исторические судьбы не только индоевропейской, но и всех других языковых семей и групп. В этнографической литературе популярно мнение С.П. Толстова, М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова, выраженное в следующих словах: «Раньше других сложились, вероятно, именно те языки, которые сохраняются в настоящее время преимущественно у народов, живущих на периферии первобытной эйкумены, и отличаются большим разнообразием фонетического состава и грамматического строя, нередко образуя между собой незаметные переходы, восходящие, быть может, к родовым языкам периода первоначального расселения человечества в эпоху мезолита или даже позднего палеолита. К таким языкам, очень трудно поддающимся генеалогической классификации, принадлежат языки американских индейцев, эскимосов и алеутов, различных "палеоазиатских" народов Сибири (юкагиров, коряков, чукчей, ительменов), австралийцев и папуасов Новой Гвинеи, многочис-

ленные весьма разнообразные по своему строю языки народов Судана. Ближе к центральным областям эйкумены складывались крупные языковые семьи, развивавшиеся как путем дифференциации первоначальных языков – основ, так и путем ассимиляции языков другого происхождения»²⁰.

Рассматривая эту формулировку, нельзя не заметить критически, что по вопросу о том, какие из перечисленных языков возникли «раньше», а какие «позже», историческая лингвистика ответа не дает (да и не может сейчас дать!), равно как и то, что у нас нет никаких оснований возводить очень дробные языки американских индейцев и «палеоазиатов» к чисто умозрительным «родовым языкам первоначального расселения человечества»²¹. Но упомянутые авторы правы в том отношении, что этнографически зримые разнообразные по своей системе дробные языки действительно наблюдаются (или наблюдались сравнительно недавно) или «на краю эйкумены», или в обстановке повышенной изоляции среди этнических групп, занятых преимущественно промысловым хозяйством²², тогда как достаточно развитые языковые семьи исторически увязываются с обширными регионами древних земледельческих и скотоводческих культур и цивилизаций.

Данное обстоятельство не может не навести этнографа на серьезные размышления о том, что наиболее сложные, стягивающие большие человеческие массивы узлы этногонического процесса завязывались как раз в земледельческо-скотоводческой среде и истоки их, опираясь на археологические исследования, следует искать не в палеолите и мезолите, а в позднем каменном веке и энеолите. Поэтому начало формирования существующих языковых семей – индоевропейской, семито-хамитской, алтайской, мон-кхмерской, китайско-тибетской и т.д. – не может быть отнесено к древности, отстоящей от нашего времени на десятки тысяч лет²³.

Конструктивность такого взгляда обнаруживается в сравнительно-типологическом плане, когда языковым системам на уровне сложившейся (структурно «устоявшейся») «семьи» исторически противопоставляются языковые системы, фактически не достигшие этого интегративного уровня. В поисках примерного «ландшафта» древнейшего из известных типов языкового состояния принято ссылаться прежде всего на языки австралийцев и папуасов. И хотя Б.В. Горнунг не без оснований предостерегает от увлечений исторической типологией и подчеркивает, что пути сложения конкретного языкового типа «остаются непереносимыми (даже по аналогии) на другие "языковые ландшафты", – например, новогвинейский "языковой ландшафт" не может быть истолкован в "глобальном масштабе"²⁴, – все же у нас нет иных возможностей представить себе типологию архаического языкового состояния, кроме как обратившись к названному языкам.

Многочисленные австралийские языки не составляют то, что мы привыкли называть «семьей» ни в пределах всего континента Австралия, ни в какой-либо его значительной части. Учеными установлено лишь то, что южноавстралийские языки по ряду лексических и отчасти грамматических признаков обнаруживают близость один к другому, причем связи эти несомненны между языками наиболее близко расположенных племен. По классификационному принципу все эти языки подразделены на девять больших групп с последующим сложным членением на подгруппы и наречия, но сказать что-либо определенное о генетическом соотношении австралийских языков в целом исследователи не решаются: связи между ними указывают то ли на происхождение из одного корня, то ли на длительные исторические схождения (исторически возникшее «сродство»)²⁵. Видимо, имело место то и другое, так как А. Элькиным выделены большие родственные группы, сохраняющие представление о происхождении из одного источника, но уже давно разделенные на несколько диалектных (племенных) групп, а также отмечены многочисленные факты сближения диалектов соседящих неродственных племен и образование своеобразных межплеменных жаргонов²⁶.

В условиях низкого уровня производства, характерного для австралийцев, не было побудительных причин к созданию крупных социально-этнических объединений и

налаженных хозяйственно-культурных коммуникаций. Их языковое общение замыкалось в рамках мелких родоплеменных подразделений, хотя время от времени при передвижениях и встречах с другими племенами границы общения расширялись, могли даже становиться традиционными (здесь необходимо учесть также влияние дуально-экзогамной нормы брачных отношений)²⁷.

Однако исключительная приверженность австралийцев к родному племени и роду, его языку и местообитанию (Т. Штрелов) служила большим тормозом к смешению племен, к настоящему двуязычию, к образованию достаточно широких междиалектных зон, т.е. к созданию той необходимой обстановки, при которой многочисленные родственные группы и их соседи обмениваются не отдельными словами-заимствованиями, а целыми потоками речевых средств («пучками изоглосс»).

То, что, по А. Элькину, одинаковые названия частей тела, некоторых предметов и явлений природы оказывались распространенными среди австралийцев на большом расстоянии, или даже то, что «почти каждый австралиец понимает два, если не три языка, хотя говорит только на своем»²⁸, может быть квалифицировано только как явление языкового адстрата, следствием которого, впрочем, было и то, что от одного племени к другому и т.д. перекидывались мостики лексических заимствований, необходимых для минимума взаимопонимания.

Нечто в этом же роде зарегистрировано на Новой Гвинее, но, кажется, в более развитой форме, ибо обрисованная «цепная связь языков» для оседлого папуасского населения есть, скорее, типическое, устойчивое, нежели спорадически возникающее явление. На этот счет в советской этнографической литературе приводятся многочисленные ссылки на зарубежных исследователей (в частности, на К. Рида, писавшего, что границы между папуасскими языками «нигде не являются резкими, обычно имеется постепенный переход от одного языкового центра к другому»²⁹, что и послужило С.П. Толстому отправной точкой для создания теории «первобытной лингвистической непрерывности», согласно которой облик древнейшего языкового состояния человечества оформлял тянувшийся «тысячелетиями и десятками тысячелетий постепенный процесс взаимодействия и взаимопроникновения примитивных родовых языков»³⁰. Никому неведомо, что было десятки тысяч лет назад, но и в приложении к живым австралийским и папуасским языкам гипотеза Толстова грешит против действительности, ибо «цепная связь языков» – это лишь форма взаимоотношений между «деревенскими говорами», распределяющимися, надо полагать, между имеющими свои системные границы этнолингвистическими группировками.

Можно сказать так: в первобытном обществе с охотничье-промысловым (добывающим) хозяйством обычным явлением было дробление разросшихся родовых коллективов, которые или продолжали жить по соседству, поддерживая между собою те или иные сношения в рамках языковой общности, которую можно назвать племенной, или расходились настолько, что по мере необходимости заводили себе новых «партнеров» из других племенных группировок более отдаленной степени языковой близости, но все-таки достаточно понимающих друг друга. Языковое взаимодействие через мелкие контактирующие звенья расширяло и приводило в «среднюю норму» формирующуюся исподволь языковую систему, первоначально, видимо, не на столь уж широкой территории. С ростом населения в районах, наиболее благоприятствующих прочному поселению и хозяйству, создавались как бы центры «уплотнения» мелких диалектов и этнических связей, в которые могли вовлекаться и инородные группы, подчинявшиеся господствующей норме речевого общения.

Насколько были устойчивыми такие древние «завязи» этногонического процесса, мы не знаем, но они при достаточно длительном существовании создавали условия для совместного речевого творчества все большего числа людей. Однако, как писал Э. Сепир, «ни один язык не может распространиться по обширной территории или хотя бы на сколько-нибудь значительной площади без того, чтобы не обнаружить диалектных различий, ибо невозможно удержать многочисленное население от разъединения на группы по местности, в каждой из которых язык имеет тенденцию к

самостоятельному движению»³¹. Дифференциация первоначальной генетической общности сопровождалась в этих процессах контактным взаимодействием разделившихся диалектов, если они размещались по соседству и поддерживали этнокультурные связи, но нередко были случаи значительного территориального расхождения, при котором диалекты развивались дальше самостоятельно, но параллельно в одном направлении, ибо имели одинаковую исходную основу, порождавшую в силу внутренних законов саморазвития определенной системы однотипные языковые новации. Если в дальнейшем эти диалекты не приходили в новое соприкосновение и не испытывали сильного влияния возродившихся на иной основе потоков общих изоглоссов, то расхождение прежних близкородственных диалектов, в свою очередь породивших группировки новых диалектов, возрастало настолько, что возникали особые диалектные зоны с утратой свободного взаимопонимания их населения. На этой базе однородных диалектов складывались самостоятельные языки.

Хорошей иллюстрацией к данному чисто теоретическому положению служат языки североамериканских индейцев и целого ряда этнических групп Сибири. Например, никто сейчас не считает «палеоазиатские» языки Сибири возникшими из одного источника, но и в среде генетически родственных и непосредственно соседствующих «палеоазиатских» языков чукотско-камчатской группы (по традиционной классификации – чукотский, корякский и ительменский языки) обнаруживаются такие глубокие различия, выходящие за пределы диалектных особенностей, что приходится дополнительно выделять «новые» языки – алюторский, керекский и, может быть, карагинский³². А в прошлом таких чукотско-камчатских языков, фактически территориально-племенных диалектов, было, видимо, больше. На другом конце Сибири, в Приобье, не меньшие споры вызывает диалектное членение языка небольшой народности хантов. Давно прошло то время, когда хантский язык считался однозначной лингвистической единицей, расчленяющейся на ряд диалектов. По уточненным материалам, различия между этими диалектами оказались настолько значительными, вплоть до взаимного непонимания их носителей, что специалисты стали говорить о наличии трех или даже пяти самостоятельных хантских языков³³. И при этом следует учитывать, что ханты не изолированы резко друг от друга, напротив, они имеют довольно налаженные этнокультурные сношения в пределах двух географически смежных регионов – нижне- и среднеобского, которым соответствуют две диалектные зоны: западная – собственно хантская – и восточная, или кантыкская³⁴.

Так как речь здесь зашла о населении, говорящем на языках и диалектах уральской лингвистической общности, то, во-первых, для нашей темы можно использовать материал и других своеобразных явлений на периферии этой общности, а во-вторых, коснуться исторической типологии уральской языковой системы в целом.

Лингвистическая дробность хантов, искони занятых промысловым (рыболовческо-охотничьим) хозяйством, всецело обусловлена условиями их существования, расселением мелкими группами по рекам на значительной территории. Аналогичный пример дают саами Европейского Севера с таким же промысловым хозяйством и примитивным оленеводством. Еще в прошлом столетии отмечалось диалектное многообразие саамских групп, причем «разница эта находится в зависимости от течения рек, или, говоря другими словами, лопари одного речного бассейна говорят однородным наречием; переходя же в другой, оно значительно изменяется, и разница эта, увеличиваясь по мере удаления от моря в глубь страны, становится, наконец, столь ощутительной, что нередко лопари крайних приходов на севере уже не хорошо понимают своих соплеменников на юге»³⁵. Поэтому лингвисты охотнее пишут не об отдельном саамском языке, а о «саамской речи» (мы бы назвали ее этнолингвистической общностью), под которой следует понимать массу (свыше трех десятков) более или менее изолированных диалектов, на которых говорит немногочисленное население, правда, очень разбросанное мелкими группами на большой территории. Никаких надежд на то, что эти диалекты сольются в один язык, нет³⁶.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в других подразделениях уральской

семьи. Среди самодийских выделяется ненецкий язык. Несмотря на то что он распространен очень широко, в основном в полосе тундры, среди небольших в недавнем прошлом «родовых» объединений оленеводов-кочевников, этот язык в главных чертах является единообразным: ненец Туруханского Севера свободно объясняется с ненцем Малоземельской тундры, хотя прямых контактов между их «родами» могло и не быть. Конечно, язык тундровых ненцев имеет свои диалектные подразделения, но они не нарушают общего состояния, так как взаимное речевое общение и экзогамно-брачные связи кочевников всегда были развитыми и далеко идущими. Диалектной нивелировке в немалой степени способствовало и то, что с давним упадком родового строя тундровые ненцы легко образовывали смешанные территориальные группы. Иначе обстоит дело с наречием лесных (пян-хасава) ненцев. В силу давнего обособленного положения этой этнической группы отдельные крохотные говоры лесного наречия утратили черты сходства в значительно большей степени, чем говоры тундрового наречия³⁷.

В самом центре расселения народов той же языковой семьи – в Поволжье и Прибалтике – народов, по численности крупных, этнически консолидированных, с глубокой древности (со II–I тыс. до н.э.) хорошо знакомых с земледельческо-скотоводческим хозяйством, металлургией, развитым обменом и т.д., обнаруживается, естественно, «языковой ландшафт» иной, более сложной исторической типологии. Размеры данной статьи не позволяют хотя бы вкратце осветить проблему дислокации первоначального ядра финно-угорских племен; будем считать наиболее убедительной гипотезу о выходе предков европейских финно-пермских народов из лесного Зауралья³⁸. Но вот что интересно: по Б.А. Серебренникову, «в самих современных уральских языках, если мы в сравнительном плане будем рассматривать их грамматический строй и лексический состав, наблюдается явление так называемой последовательной волновой передачи черт. Некоторые характерные черты обско-угорских языков повторяются последовательно в пермских языках. Отдельные особенности пермских языков имеются затем в марийском языке. В мордовских языках есть черты, сходные с марийскими. Некоторые особенности мордовских языков имеют параллели в прибалтийско-финских языках. Если бы не было постепенного движения уральских народов с востока на запад и миграция совершалась бы беспорядочно и хаотично, то не наблюдалось бы такой волновой передачи языковых черт»³⁹.

Этот процесс, датированный довольно убедительно III–II тыс. до н.э., никак нельзя истолковать в пользу теории «первобытной лингвистической непрерывности», ибо в данном случае имела место именно целенаправленная миграция (по волжской артерии вверх до Прибалтики), а не «цепная связь» территориально неподвижных диалектов. К тому же упомянутые языковые группы уже в древности обособились, в самостоятельные этнолингвистические общности, имеющие определенные границы, в которых действовали свои «независимые пучки изоглосс». Вот почему, по Б.А. Серебренникову, «отдельные группы финно-угорских языков – пермские, западнофинские, обско-угорские и др. представляют характер почти самостоятельных языковых семей»⁴⁰.

В силу исторических причин – раннего дробления уралоязычного ядра еще на стадии охотничье-промыслового хозяйства, дальнего расселения с востока на запад значительных уральских масс, оставлявших по пути миграции довольно скоро обособлявшиеся отдельные группировки, впоследствии принимавшие характер самостоятельных этнолингвистических общностей нового языкового качества при разрыве всех прежних связей по линии общих изоглосс, и т.д. – уральская генетическая общность не могла получить интегративного завершения в качестве структурно-плотной лингвистической системы. То, что объединяет уральские языки в одно семейство, относится только к первой стадии созидания широкой этнолингвистической общности и развившимся на ее исходной основе некоторым формам, и обнаруживается все это только путем кропотливого научного анализа.

По сравнению с уральской индоевропейская языковая общность формировалась на

иной исторической основе и при других конкретных обстоятельствах. Что бы там ни говорили об индоевропейском «праязыке», или «языке-основе», как об общем языке или диалектном единстве⁴¹, эту предполагаемую общность следует обосновать в историческом плане, т.е. когда, где и каким образом она сложилась. В чисто лингвистическом аспекте динамику этого формирования можно истолковать так, что индоевропейские «протогруппы», взаимодействуя между собой, стягивались в более крупные диалектные общности, которые через дальнейшие сложные изменения заложили прочные основы различных, нам уже известных ветвей индоевропейской семьи. Но все это без важной для этнографа привязки к конкретной местности и хронологическому этапу.

Правда, благодаря сравнительному анализу индоевропейской лексики лингвисты установили, что прародина индоевропейцев до их разделения располагалась в лесостепной области с умеренным климатом, что праиндоевропейцы занимались охотой, бортничеством, но рыболовством, видимо, в небольшой степени. Пестрота сельскохозяйственной лексики в индоевропейских языках (только в европейских языках она более или менее сводится к одному источнику) породила среди лингвистов убеждение, что до разделения на западные и восточные ветви индоевропейцы или совсем не занимались земледелием, или знали его в зачаточных примитивных формах, хотя, заметим в скобках, если исходить из исконного диалектного членения древнеиндоевропейской общности, то совсем не обязательно совпадение земледельческой терминологии во всех ее диалектных зонах. Более того, можно ведь предполагать, что термины земледелия и связанной с ним обработки продуктов зародились локально еще до того, как индоевропейская общность «уплотнилась» за счет развития более тесных хозяйственно-культурных связей на следующей исторической стадии, когда наряду с земледелием успешно развиваются скотоводство и металлургия. И действительно, во всех или большинстве индоевропейских языков отмечены группы общих слов, обозначающих виды животных и различные продукты животноводческого хозяйства. Но достоверно установленных общеиндоевропейских названий металлов нет, а имеются названия, распространенные в нескольких индоевропейских группах, которые могут толковаться различно⁴².

На основе этих свидетельств лингвисты приходят к следующему выводу: «Можно полагать, что древняя индоевропейская общность перед ее распадом приходится на конец неолита. Может быть, выдлившиеся среди других племен древности скотоводческие индоевропейские племена, перед тем как расселиться в отдаленных друг от друга областях, начали знакомиться с применением меди, золота и серебра, хотя об этом с полной уверенностью говорить трудно. Можно сказать, что индоевропейская этническая общность, как она реконструируется сравнительно-историческим языкознанием и смежными дисциплинами, целиком относится к эпохе неолита»⁴³.

Исходя из факта значительной общности скотоводческой терминологии в индоевропейских языках, многие видные лингвисты склонялись к тому, что индоевропейская прародина располагалась на степных и лесостепных просторах от Нижнего Поволжья до Карпат и Нижнего Дуная (О. Шрадер, П. Кречмер, А. Неринг). Здесь, на территории от Эмбы до Днестра, действительно обнаружена возникшая в III тыс. до н.э. скотоводческо-земледельческая культура, известная под названием древнеямной, а далее на западе, охватывая правобережье Днестра, Днестр и доходя до Дуная, в то же время процветала земледельческая культура Триполья⁴⁴. Но означает ли это, что индоевропейская прародина географически очерчена правильно? Нет, не означает, так как: 1) древнеямная культура сравнительно «молода», и не исключено, что ее хозяйственный тип сложился под влиянием более старых и мощных трипольской или серокавказской земледельческо-скотоводческих культур; 2) если происхождение древнеямного населения не совсем ясно, то вполне очевидно, что происхождение трипольской культуры увязывается с историей неолитических племен Молдавии, поселившихся там в IV тыс. до н.э., а эти последние по своему генезису тяготеют к балкано-дунайским странам⁴⁵.

К числу родственных с Трипольем балкано-дунайских культур ныне относят Боян, Гумельницы, Тордош, Винча, Караново II, от которых генетические корни идут еще глубже, вращая в ранненеолитический субстрат культуры Кёреш-Старчево первой половины V тыс. до н.э. В целом это очень мощный пласт подстилающих и сменяющих друг друга земледельческих культур, несомненно, имеющих генетическую преемственность, а в специфических особенностях этнографического уклада, видимо, отражающих тесную связь их носителей.

Нигде в Европе нет таких древних (от начала V тыс. до н.э.) земледельческо-скотоводческих культур, как на Балканском п-ове, принадлежащих к обширной историко-культурной области, которая принимала различные локальные формы в разных странах, называемые Пре-Сескло в Фессалии, Старчево в Югославии, Караново I в Болгарии, Криш в Румынии, Кёреш в Венгрии⁴⁶. В этих же местах в V–IV тыс. до н.э. складывается очаг развитой кузнечной обработки меди⁴⁷. Учитывая огромную роль индоевропейских народов в судьбах Юго-Восточной Европы, которая все отчетливее прослеживается с III тыс. до н.э.⁴⁸, археологи, а вслед за ними лингвисты не без оснований называют прародиной индоевропейцев балкано-дунайские страны и междуречье Днестра – Днепра⁴⁹.

Но как быть с культурами линейно-ленточной керамики Центральной Европы, возникшими около середины V тыс. до н.э. и поразительно единообразными на огромной территории от Бельгии и Голландии на северо-западе до Молдавии на юго-востоке? Видимо, нет достаточного повода приписывать их древнейшим индоевропейцам, но можно считать их принадлежавшими какому-то иному («палеоевропейскому») населению. Вывод археологов лаконичен, но тверд: племена культуры линейно-ленточной керамики не имеют корней в существовавшей в раннем неолите земледельческой культуре Кёреш и соответствующей ей южно-бугской, а также генетически не связываются с энеолитическим населением к югу от Дуная на Балканах и в междуречье Днепра и Днестра⁵⁰. Лингвисты же допускают вероятность адстратно-суперстратных взаимоотношений между теми и другими⁵¹.

Не будем входить в подробности относительно того, как расселялись, предположительно, из своего балкано-дунайского очага древние индоевропейцы, уже на исходе III тыс. до н.э. очутившиеся на юге Балканского п-ова и к северу от Дуная, в Передней Азии и, вероятно, в Северном Причерноморье, а позднее в Поволжье и Средней Азии⁵². Сделаем лишь тот важный для нас вывод, что мощный узел индоевропейского этногонического процесса завязался не на пустом месте и не в виде абстрактных сгущений «глобальных» и «парциальных» изоглосс, а на почве заметного роста земледельческо-скотоводческого населения в определенном регионе, которое по мере развития своего хозяйства нуждалось и в более интенсивной колонизации пригодных земель, и в широком обмене, и в культурном общении с ближними и дальними соседями, и, на случай нередкой военной опасности, в союзе и объединении родственных групп. Только в такой обстановке достаточно плотного расселения и налаженного общения, которое периодически могло менять свое направление и тяготение к определенным хозяйственно-культурным центрам, реальными были процессы междialeктного сближения вплоть до образования языковых ветвей. Выход населения за пределы исконного места обитания, а тем более массовые миграции в толщу иноязычных племен создавали еще более сложную картину языковых скрещений и ассимиляций.

Таким образом, сложнейшая проблема узла этногонического процесса решается в прямой связи с проблемой формирования той или иной языковой семьи, которая представляется продуктом динамического взаимодействия двух этнолингвистических процессов – дифференциации и интеграции как происходящих из одного генетического источника, так и присоединяющихся к ним разнородных этнических компонентов. Но возможно и другое решение вопроса, впервые предложенное Ф. Боасом и Н.С. Трубецким, которые различали генетическое родство языков и благоприобретенное историческое сродство (Affinität), возникающее в результате структурного сближения

в прошлом неродственных языков. Таким построенным на родстве языковым объединением было присвоено название языковых союзов (Sprachbund)⁵³.

В конкретном выражении эта теория вполне себя оправдывает, например, в применении к разнообразным языкам Балканского п-ова («балканский языковый союз»). Еще в начале XIX в. основатель балканистики А.В. Копитар писал: «До сего времени к северу от Дуная – на Буковине, в Молдавии, Валахии, Трансильвании (Семиградье) и Венгрии и по ту сторону Дуная – в собственно Болгарии, затем по всей горной цепи Балкан, в самом широком смысле слова – области Балкан, от одного моря до другого, в горах Македонии, на Пинде и по всей Албании господствует единая языковая форма, но воплощенная в троякого рода языковом материале, лишь в одном случае исконном, а в двух остальных – чужом, принесенном с востока и запада». Это: «с востока» – славянские языки болгарский и македонский, с «запада» – романские языки румын, молдаван и вlahов, а «исконный» – албанский; но при всей генетической самостоятельности этих языков характерные для них формы соединения морфем оказываются сходными или тождественными вследствие глубокого взаимовлияния⁵⁴.

Разумеется, проблема установления «языковых союзов» имеет первостепенное значение для лингвистической науки, но она также интересна и для этнографии, когда она свидетельствует о тесных этнокультурных связях между исконно соседящими народами, языки которых при некоторых структурных сходствах не обнаруживают, однако, неоспоримого родства. Здесь сразу же встает вопрос: что это – давным-давно обособившиеся члены архаической языковой семьи или, наоборот, приобретшие некоторое родство в порядке своеобразно завязавшегося этногонического процесса совершенно различные генетические величины?

Такой вопрос неоднократно вставал в отношении языков коренного населения Кавказа и решался по-разному: для одних исследователей генетическое родство основных трех группировок кавказских языков рисуется несомненным, но еще недостаточно доказанным; для других, например для А. Дирра, эти языки могут представлять собой «языковой союз» сросшихся вместе различных лингвистических систем⁵⁵.

Одним словом, на путях новейших этногенетических исследований перед смежными дисциплинами поднимаются все новые горы требующих разъяснения фактов и одной из насущных наших задач является выработка достаточно эффективного научного инструмента для проникновения в толщу этих гор – методологии этногонии.

Примечания

¹ Марр Н.Я. Избранные работы. Т. V. Л., 1935. С. 306.

² Там же. С. 65.

³ Толстов С.П. Аральский узел этногонического процесса // Советская этнография. Вып. VI–VII. М.; Л., 1947. С. 308–310.

⁴ Об авторском понимании этнолингвистической общности подробно см.: Лашук Л.П. О формах донациональных этнических связей // Вопр. истории. 1967. № 4. С. 79–80.

⁵ См.: Будаков Р.А. Проблема развития языка. М.; Л., 1965. С. 30 и сл.

⁶ Байчура У.Ш. О некоторых факторах языкового развития // Проблемы языкознания. М., 1967. С. 103.

⁷ Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960. С. 395.

⁸ См.: Жирмунский В.М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964. С. 6–7, 273.

⁹ См.: Сепир Э. Язык. М., 1934. С. 119.

¹⁰ Это так называемое явление адстрата (соприкосновения языков), при котором имеет место одностороннее воздействие, когда затронут один уровень одного языка, или обоюдное действие, когда затронуты аналогичные уровни взаимодействующих языков, прежде всего лексический уровень. Подробнее см.: Белецкий А.А. Генезис и этимология // Проблемы языкознания. С. 254.

¹¹ Выступая с критическими замечаниями, не можем не признать, что по этой многим интересующей проблеме необходимо провести дополнительные исследования, требующие, между прочим, упорядочения археологической методики.

¹² Звегинцев В.А. Указ. раб. Ч. I. С. 91.

¹³ См.: Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967. С. 3–7.

- ¹⁴ Журавлев В.К. Современные проблемы реконструкции праязыка // Проблемы языкознания. С. 256.
- ¹⁵ Горнунг Б.В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964. С. 24.
- ¹⁶ Журавлев В.К. Указ. раб. С. 257.
- ¹⁷ Общее индоевропейское языкознание. М., 1956. С. 182.
- ¹⁸ Там же. С. 198.
- ¹⁹ Горнунг Б.В. Указ. раб. С. 15–16.
- ²⁰ Очерки общей этнографии (Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка). М., 1957. С. 37–38.
- ²¹ Вспоминаются справедливые слова Д.В. Бубриха, сказанные о возможностях научного проникновения в историю языковых группировок: «Мы не можем проследить этот ход на протяжении десятков тысяч лет. Есть грань, ниже которой мы пока не можем спуститься. Проследивание хода развития финно-угорской речи мы начинаем от этой грани», примерно от порога камня и металла (Сравнительная грамматика финно-угорских языков СССР // Уч. зап. ЛГУ. Вып. 2. Л., 1948. С. 57).
- ²² Ссылка в цитированном выше тексте на «разнообразные по своему строю языки народов Судана», занимающихся в основном земледелием, «не работает» на разбираемую гипотезу, так как, по новейшим данным, языки Судана не представляют хаотическую, не сводимую ни к какой системе картину, а входят в успешно реконструируемую семью нигер-конго (Дж. Гринберг). См.: Языки Африки. М., 1966. С. 290–291.
- ²³ Например, даже по очень спорному методу абсолютной глоттохронологии М. Сводеша древность китайско-тибетской семьи не рисуется такой уж архидревней: «Отделение китайского языка от тибето-бирманских датируется XXV или XXXV в. до н.э. – так же, как и для гималайских языков (отделение же китайского от гималайских произошло еще на тысячелетие раньше). Между китайским языком и тибето-бирманскими существует примерно такое же родство, как между отдельными группами индоевропейской семьи» (Яхонтов С.Е. Глоттохронология и китайско-тибетская семья языков. М., 1964. С. 6).
- ²⁴ Горнунг Б.В. Указ. раб. С. 26.
- ²⁵ Токарев С.А. Языки австралийцев // Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 78–79.
- ²⁶ Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952. С. 39–46.
- ²⁷ См.: Косвен М.О. Об историческом соотношении рода и племени // Сов. этнография (далее – СЭ). 1951. № 2; Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С. 213–214.
- ²⁸ Элькин А. Указ. раб. С. 45.
- ²⁹ См. Бутинов Н.А. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи // Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов. М.; Л., 1962. С. 141.
- ³⁰ Изложение гипотезы С.П. Толстова см.: СЭ. 1950. № 4. С. 11–22.
- ³¹ Сепир Э. Указ. раб. С. 119.
- ³² Скорик П.Я. Палеоазиатские языки // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 339, 347.
- ³³ См.: Языки и фольклор народов Сибирского Севера. М.; Л., 1966. С. 8–9.
- ³⁴ Терешкин Н.И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966. С. 320.
- ³⁵ Бухаров Д.Н. Поездка по Лапландии осенью 1883 г. // Зап. РГО по общей географии. Т. XVI. СПб., 1888. С. 273.
- ³⁶ Бубрих Д.В. О древней прибалтийско-финской речи // Изв. Карело-финской НИБ АН СССР. 1949. № 1. С. 55; Керт Г.М. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского п-ова // Тр. Карельского филиала АН СССР. 1960. Вып. XXIII. С. 110–111.
- ³⁷ Терещенко Н.М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л., 1956. С. 182–194.
- ³⁸ См.: Лашук Л.П. Многотомная серия «Народы мира» и некоторые проблемы развития этнографии // Вopr. истории. 1966. № 10. С. 151.
- ³⁹ Выступление Б.А. Серебrenникова на научной сессии. МарНИИ. Дек. 1965 г. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 282.
- ⁴⁰ Серебrenников Б.А. Проблемы сравнительно-исторического метода и происхождение языковых семей // Доклады и сообщения, прочитанные на научной конференции по языкознанию. М., 1952. С. 213.
- ⁴¹ Например, Г. Крае признает индоевропейскую общность периодически дробившейся, но полагает, что к началу II тыс. до н.э., когда уже отчетливо обособились греческий, индийский и хеттский языки, еще не существовало латинского, кельтского, германского и других западных языков, а имелся «древнеевропейский язык», в котором языковая дифференциация находилась лишь в зародыше (Krahe H. Sprachliche Aufgliederung und Sprachbewegungen in Alteuropa // Akad. der Wissenschaften der Literatur in Mainz. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. 1959. № 1. S. 3).
- ⁴² Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 390 и сл.
- ⁴³ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 97–98.
- ⁴⁴ Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1967. С. 86, 91–95.
- ⁴⁵ Черныш Е.К. Некоторые локальные особенности племен трипольской культуры. М., 1964.

- ⁴⁶ *Титов В.С.* Древнейшие земледельцы в Европе // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 29.
- ⁴⁷ *Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967.
- ⁴⁸ См.: *Блаватская Т.В.* Ахейская Греция. М., 1966; *Гиндин Л.А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
- ⁴⁹ *Горнунг Б.В.* Указ. раб. С. 20–21.
- ⁵⁰ *Пассек Т.С., Черныш Е.И.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР // Свод археологических источников. Вып. Б 1–II. М., 1963. С. 39.
- ⁵¹ *Горнунг Б.В.* Указ. раб. С. 23.
- ⁵² См., напр.: *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- ⁵³ См.: *Звегинцев В.А.* Очерки по общему языкознанию. М., 1962. С. 209–211, 228–231.
- ⁵⁴ См.: *Широков О.С.* Лингвистическая география и типология языков // Проблемы языкознания. С. 143–144.
- ⁵⁵ См.: *Климов Г.А.* Кавказские языки. М., 1965.

L. P. L a s h u k. An ethnogenetic nexus in its modern interpretation

This article provides a review of the research achievements of the 1960's in the field of historical linguistics. Comparing the data of linguistics with the data of studies in archaeological cultures and theory, and noting the appearance of more and new facts requiring explanation the author formulates a set of questions for the elaboration of some sufficiently effective scientific tools and methods as adequate to the tasks of studying ethnocultural history of mankind – methodology of ethnogony. At the same time the author comes out with a number of his own suggestions and observations concerning regularities in the development of ethnolinguistic and ethnocultural interaction in ancient societies.

© 2001 г., ЭО, № 3

Л.П. Л а ш у к

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЭТНОСА

Этнография как наука об этнокультурном многообразии и историческом генезисе народов в принципе давно уже поставила взаимосвязанные вопросы о соотношении в процессе развития факторов устойчивости и изменчивости специфических свойств этноса, преемственности и обновления этнических культур, случайности и необходимости (закономерности) этнических преобразований – смены качественных состояний этнической общности. Постановка этих вопросов вызвана как обобщением конкретных фактов исторического развития народов, так и потребностью формирующейся теории этноса, в которой – по примеру многих развитых теорий – подобающее место должна занять логико-диалектическая «пара»: понятия **инварианта*** – относительной стабильности и **преобразования** применительно к наиболее существенным и необходимым системно-историческим характеристикам этноса¹. Однако эти вопросы теории в собственном смысле этнографией хотя и подняты, но освещались пока что далеко не однозначно как раньше, в период становления этнографической науки, так и теперь, в трудах различных направлений историко-этнографической мысли у нас и особенно за рубежом.

* Здесь и далее по статье полужирный шрифт и разрядка сделаны автором.